

Он должен бы ночью стоять, где пивная,
И громко свистеть, чтоб мурашки по коже,
И шубы снимать с одиноких прохожих.

Но все получилось спокойней и хуже —
Раздав номерки, он сидит на диване,
И долго не может понять — почему же
Его так волнует процесс раздевания?!

Но вот, отогнав эти мутные волны,
Откинув со лба хулиганскую челку,
Он ходит веселый, он ходит довольный,
И вешалка сбоку походит на елку!

Пруды

Я помню, как однажды голышом
Я лез в заросший пруд за камышом.
Колючий жук толчками пробежал
И лапками поверхность прогигбал.

Я жил на берегу, я спал в копне.
Рождалось что-то новое во мне...
Как просто показать свои труды!
Как трудно рассказать свои пруды!

Я узнаю тебя издали —
По кашлю, по шуршанию подошв,
И это началось не с пустяка —
Наверно, был мой пруд на твой похож!

Был вечер. Мы не встретились пока.
Стояла ты, смотрела на жука...
Колючий жук толчками пробежал
И лапками поверхность прогигбал.

Виктория Смагина

Стихи

Виктория Смагина. Поэт. Родилась в 1966 году в Томске, где проживает сейчас. Окончила Кемеровский государственный институт культуры и Юридический институт Томского государственного университета. Руководила народным театром, работала в органах внутренних дел, всю жизнь — на стыке культурно-просветительной работы и юриспруденции. Лауреат и дипломант ряда литературных, в том числе международных конкурсов. Публиковалась в изданиях: «Сибирские Афины», «Жеглов, Шарапов и К», «Графит», «45-я параллель», в коллективных поэтических сборниках. Сейчас — пенсионер.

Из подборки «Об осени и любви»

лисье

я забываю разное.
желтый лист
кружит по луже, ветром гоним осенним.
дым сигаретный тянется к небу.
лис-
манипулятор принцу твердит — «спасенье
наше друг в друге».
сам себя обмани
утлой весною на сентябровой вкладке.
бренным составом катятся наши дни
к станции «было».
время стоянки кратко.
вот я рукой машу тебе — се перрон
или балкон, прокурены и невзрачны?

лгут принцы лисам и лисам соврать — закон.
поезд отходит,
взлетает.
и небо плачет.

а мы живем

а мы живем, близки и далеки,
две неземли эпических галактик.
смотри на птичий взмах моей руки,
скупой адепт нелетных хиропрактик.
колеса — разучившимся ходить,
запили — и вперед заре навстречу,
и катишься, как яблоко-магритт,
чтоб оборваться в «незачем и нечем».
вот мой мирок праматерных обид,
лилитных слов, евических печалей
спешит к тебе по эллипсу орбит,
незрело зелен, мелок и отчаян.
того гляди, он вылетит за край
дворовых ойкумен, да и утонет
в железной бочке...
ты его поймай
в родные и любимые ладони...

сентябрь уходит

сентябрь уходит. вянут георгины,
махрово-желтый запах истончен.
в авоське перелетной паутины
жужжит билайном пара диких пчел.

жу-жу, арахна-осень, хелицеры
твои так цепки — голод по теплу.
но всяк насельник выставшего сквера
о лете ворожит в своем углу,

его поет, то громко, то чуть слышно,
и рвется из тенет за облака,

где золотится солнечная крышка
прожженного господнего горшка.

лейтмотив

в открытом «вчера» —
медный шелест летящих вдаль
рябиновых листьев и бархатцев горький цвет,
запев электрички, кошачий гоп-стоп скандал
и бабьего лета беспечный онлайн-привет.

срываются числа по вектору к тридцати —
уход по-английски привычен и не болит.
дожди навевают заезженный лейтмотив
собачьего вальса, где каждый диез скулит.

октябрь матерееет.
и, цельсий сведя к нолю,
ссыпается снежить сквозь рваные облака.

«скучаю, люблю» сокращается до «ску-лю».
и осень выходит на крайней.
пока-пока...

и дни за днями колкая вода

И дни за днями колкая вода
вступает в силу. Холодеет время
до желтых листьев. Скоро невода
паучьи полетят ловить осенних
в тугой комок клинической тоски
по яблокам несбыточных эдемов,
и торкнется межреберно «беги!»,
усталый кролик интернетных мемов,
беги туда, где каждому дано
смотреть и видеть жемчуг в мутном иле,
смешное и наивное кино,
где нас вели за ручку и любили,
а яблоки лежали на траве

планетами, упавшими с орбиты,
 гудели пчелы массовый привет
 дворовым клумбам, день дрожал на нити
 воздушным шаром — дунь и улетит
 в неведомое за седьмое небо,
 и дождевой рассыплется петит
 на пыль дороги, не читаем, нем, но
 по-детски чист, облаяв рыжим псом —
 охранником за теплую горбушку,
 и каждый вздох молочно-невесом,
 и ангел шепчет светлое на ушко
 об оперенном слове. До поры
 осенних лет — пуды съедобной соли.

...И катятся по блюдечку миры,
 и спит в походной шляпе белый кролик...

Кира Грозная

*Вневременная проза Светланы Забаровой
 (о книге «Сигналы»)*

Осенью 2018 года в издательстве «Петрополис» при поддержке Комитета по печати и взаимодействию со средствами массовой информации вышла книга Светланы Забаровой «Сигналы». Это, безусловно, яркое событие в литературной жизни Санкт-Петербурга — хоть пока и немногими замеченное.

Светлана Забарова — один из самых крепких современных петербургских прозаиков — лишней раз напоминает нам о том, что «писатель» — это слово мужского рода. Ведь и проза Забаровой, по сути, в чистом виде мужская. Ее тематика и проблематика выходит далеко за пределы так называемого «женского» круга интересов (неизвестно кем очерченного для прекрасной половины пишущего сообщества, обреченной в тесноте этого круга кропать сентиментальные истории, читать которые ни одному здравомыслящему мужику и в голову не придет).

Герои Светланы Забаровой — это «рыцари без страха и упрека» — и неважно, что среди них могут оказаться и женщины. Их, этих «рыцарш», даже язык не повернется назвать «дамами», ведь они чужды кокетства и жеманства, зачастую и бытовые их интересы сведены к минимуму. Вечный поиск, одержимое исследование и самоотверженная борьба, связанные с житейской неустроенностью и откладыванием «на потом» обыденной, земной, семейной жизни — вот их выбор.

И это поразительно, поскольку автор — хрупкая миловидная женщина, психолог по профессии, заботливая мать, а вовсе не та особа, которую может представить себе читатель «Сигналов». Да и вообще, читатель, скорее всего, вообразит писателя-мужчину, причем из разряда самых brutальных в истории, вроде Джека Лондона, Хемингуэя или, на худой конец, Брет Гарта.